

Утвердившаяся в 1990-е годы модель глобализации не сводилась только к финансово-экономическому и силовому доминированию одних стран и блоков над другими. Самое главное в этой модели — безразличие к высоким смыслам и ценностям жизни. Модель экономики на принципах разжигания спекулятивной игры, безграничных и монополии, и конкуренции, наращивания всеобщего долга и потребительского ажиотажа настроена на всемерное высвобождение человеческих инстинктов, низких чакр, вплоть до формирования в человеке всей гаммы психологических и физических патологий и мотивационной примитивизации. Пренебрежение идеальным, его очернение и высмеивание, подмена культуры — следствие торжества этой экономической модели и одновременно условие ее популярности.

Между тем культура в своих подлинных основаниях является пространством сохранения сложности, накопления наследия высших и уникальных творений человеческого духа, непрерывного поиска смысла жизни и ее истинных ценностей, сизифова усилия, максимизации в человеке человеческого и минимизации животных начал.

Кризис глобальной экономической модели обострил этот фундаментальный конфликт, имеющий по сути антропологическую природу. Ведь идеальное в иерархии ценностей стоит выше материального. Развитие предполагает не примитивизацию, а усложнение, наращивание «цветущей сложности» бытия. И развитие требует целенаправленного усилия, противодействующего энтропии.

Отсюда следует потребность в росте способности управлять человеческой эволюцией. Но здесь же нас подстерегает и принципиальная развилка: ради чего, каким образом и кому управлять эволюцией? Ссылка на рынок, который-де все сам разрулит, уместна для частных сделок, но наивна там, где речь идет о крупнейших проектах, включающих множество участников и заинтересованных сторон. В таких случаях рыночная ссылка прикрывает либо управленческое малодушие, либо скрытые намерения какого-то из игроков.

Александр Агеев

www.ageev.net

Обаяние недосыгаемых вершин

Между тем искомый миропорядок должен бы справиться не только с угрозой войн и конфликтов, но и с угрозой для человечности. Более того, в совсем недалекой перспективе в равноправном сотрудничестве всех мировых цивилизаций человечество должно быть способно совершить экспансию за пределы Земли и околоземного радиуса. Но для выхода в дальний космос нужна совершенно другая мораль.

Точнее говоря, мораль первых покорителей космоса могла быть немассовой, из тысяч и миллионов кандидатов можно было отобрать десятки лучших для выхода в космос и десятки тысяч лучших для работы в космической индустрии и науке. Для задач освоения дальнего космоса масштабы производства людей большого ума, «длинной воли» и «большой человеческой теплоты» должны быть несравненно больше. Но этого же склада люди нужны и для благоустройства жизни здесь, на земле.

При этом, уходя в космос, человек все глубже проникает в тайны атома. Если посмотреть на всемирную коллаборацию ученых в проектах Церна, Большом андронном коллайдере, в астрофизике, в вычислительной работе мировой грид-сети, то она беспрецедентна. Там нет никаких различий по этническому, национальному, цивилизационному и прочим признакам, там сложилась и прекрасно существует всемирная кооперация. Там решаются фантастические по сложности задачи, в том числе создания единых протоколов обработки разнородных данных сверхогромного объема. Принятая в этой среде мораль иная, чем в зонах вооруженных конфликтов, или в казино, или в финансовых пирамидах, или в производстве и сбыте наркотиков, например.

Между высшими и низшими моральными стандартами и практиками — компромиссный моральный диапазон. Миллиарды поступков, совершаемых семью миллиардами землян каждый день, мотивируются ценностями по всему их спектру. Повседневность полна непростых моральных решений, реализующих явно или неявно те или иные моральные принципы. И в большинстве своем эти решения и поступки пропитаны духом глобализации и коммерциализации, иначе бы ее нынешняя модель не прожила бы и дня.

Когда говорят о лучшей жизни, то подразумевается та простая идея, что поступков высокой моральной пробы сравнительно больше, чем низкопробных. Люди издревле мечтали о «рае земном», или «городе Солнца», но в реальности мечта была несбыточна. Такая же утопия осмыслена в сказке Н. Кондратьева о Котенке Шамми, устремившемся на поиски «страны Айнажды», где «всегда и все счастливо и не смотрят с грустью вдаль».

В разных мировых культурах эта тема так или иначе проигрывается. Так, в индуистском временном цикле есть понятие «Кали-юга» («век демона Кали», в эпосе «Махабхарата» — это самый дурной век из всех возможных), описывающее долгий исторический период преобладания самых низких моральных норм, когда «доля добра» уменьшается до одной четверти от первоначального объема в цикле времени, состоящем из четырех эпох.

В такие времена, называемые «последними», особую ценность имеют поступки высокой человеческой пробы. Они есть. И их немало.